

Check for updates

Перевод и переводоведение

УДК 81'373.45

EDN HWYSWX

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-6-19>

Россия, как ее увидел Эдвард Резерфорд. Некоторые особенности англоязычного описания русской культуры

А. М. Антонова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Анжелика Михайловна Антонова,
SPIN-код: 9725-7214,
ResearcherID: ABZ-6572-2022,
ORCID: 0000-0002-2232-6648,
e-mail: angelique.antonova@gmail.com

Для цитирования:

Антонова, А. М. (2024) Россия, как ее увидел Эдвард Резерфорд. Некоторые особенности англоязычного описания русской культуры. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 1, с. 6–19. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-6-19> EDN HWYSWX

Получена 19 февраля 2024; прошла рецензирование 21 марта 2024; принята 21 марта 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. М. Антонова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Ведущие языки мирового общения всегда являлись проводниками иноязычных культур для мирового читателя. На рубеже XX–XXI вв. эту функцию выполняет английский язык. Ориентация языка в область иноязычных культур неизбежно влечет за собой его адаптацию к принимающим культурам. Используя последние достижения «интерлингвокультурологии» (молодой дисциплины, возникшей на рубеже веков и разрабатываемой профессором В. В. Кабакчи и его школой), которая занимается изучением вторичной ориентации языка и формированием *языка межкультурного общения*, мы рассматриваем аутентичные англоязычные тексты о русской культуре, говорим о языковой гибкости культурной лексики при ориентации на внешнюю культуру, роли стереотипов и неизбежной схематизации и упрощении описываемой культуры. Основным материалом для статьи послужил художественно-публицистический текст Эдварда Резерфорда *Russka*, однако приводятся примеры из научно-публицистического текста Джеффри Хоскинга *Russia and the Russians. From Earliest Times to 2001* и текстов СМИ. В условиях возрастающего в современной филологической науке интереса к проблемам диалога языков и культур и необходимостью популяризации русской культуры на мировой арене, в т. ч. через английский язык, исследуются закономерности передачи русской культурно-специфической лексики в английском языке, при этом особое внимание обращается на построение текста *иноязычного описания культуры* и на компромисс точности и доступности текста иноязычному читателю в рамках художественно-публицистического стиля произведения. Исследуется как положительная, так и отрицательная роль стереотипов в передаче иноязычного культурного содержания и в построении образа иноязычной культуры.

Ключевые слова: интерлингвокультурология, иноязычное описание культуры, инокультурная литература, язык межкультурного общения, культуроним, ксеноним, параллельное подключение, стереотип

Russia through the eyes of Edward Rutherford. Aspects of Russian culture-oriented English

A. M. Antonova ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Anzhelika M. Antonova,
SPIN: 9725-7214,
ResearcherID: [ABZ-6572-2022](https://orcid.org/ABZ-6572-2022),
ORCID: 0000-0002-2232-6648,
e-mail: angelique.antonova@gmail.com

For citation: Antonova, A. M. (2024) Russia through the eyes of Edward Rutherford. Aspects of Russian culture-oriented English. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 1, pp. 6–19.

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-6-19> EDN HWYSWX

Received 19 February 2024;
reviewed 21 March 2024; accepted
21 March 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. M. Antonova (2024).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. The global languages have always promoted foreign cultures to the world audience. At the turn of the 20th – 21st centuries, it was mainly the English language which performed this function. Application of a language to a foreign culture by necessity requires certain adaptations of the language. Such type of communication results in the formation of a specialized variety of the language: Foreign Culture-Oriented (FCO) Language. Making use of the latest achievements in “interlinguoculturology” (a modern branch of Linguistics worked out by professor V. V. Kabakchi and his School), devoted to the study of the language in its secondary cultural orientation towards a foreign culture, we look at original English-language texts about Russian culture and analyze how Russian culturonyms are incorporated into Russian Culture-Oriented English, their cultural adaptation and the balance between the compromise of the precision of the text and its accessibility to the audience. We are also talking about the role of stereotypes and the inevitable schematization and simplification of the culture being described. The main material for the article was Edward Rutherford’s literary and journalistic text *Russka*, but examples are also given from Geoffrey Hosking’s scientific and journalistic text *Russia and the Russians. From Earliest Times to 2001*, and from media texts. We explore the formation of Russian Culture-Oriented English and its vocabulary, semantic transformation of the language in its secondary cultural orientation.

Keywords: interlinguoculturology, Foreign Culture-Oriented (FCO) language, Foreign Culture-Oriented (FCO) Literature, intercultural communication language, culture-bound word, xenonym, parallel attachment, stereotype

Введение

Век информации и глобальных коммуникаций привел в конце XX в. к глобализации английского языка, который стал языком мирового общения номер один. В ходе человеческой истории эту функцию в разное время выполняли разные языки: греческий, латинский, французский языки. Это процесс бесконечный: один языковой лидер сменяет другого. Появлению нового лидера способствует комплекс причин: геополитических, экономических и лингвистических. То, насколько тот или иной язык на данной стадии своего развития способен стать глобальным, напрямую зависит от значимости культуры народа-носителя данного языка в мире или в конкретном регионе.

После Второй мировой войны на эти позиции постепенно вышел английский язык. Лежащая в руинах многоязычная культурная Европа ничего не смогла противопоставить двум ведущим экономикам поствоенного мира (США и Великобритания). Немало способствовал

распространению английского языка и охват владения им в мире (как говорили, до середины XX в. над Британской империей не заходило солнце). Изобретение Интернета и цифровизация экономики довершили процесс. К тому же аналитический строй английского языка является наиболее простым для освоения большими массами людей.

На английском языке создается большая часть литературы о мире. Причем на нем пишут не только «носители английского языка», но и люди, для которых английский является вторым языком коммуникации. В 2008 г. *The Times* впервые включил в свой знаменитый список «The 50 greatest English writers since 1945» не англосаксонскую фамилию Салман Рушди (Salman Rushdie). И с этого времени список таких фамилий только пополняется: Кадзуо Исигуро (Kazuo Ishiguro), Викрам Сет (Vikram Seth), Майкл Ондатже (Michael Ondaatje), Бен Окри (Ben Okri), Кери Хьюм (Keri Hulme), Мо (Mo) и др. Пико Айер (Pico Iyer) в своей статье с говорящим названием “The Empire Writes Back”

иронически подмечает, что присуждение литературной премии лицам с англосаксонской фамилией уже стало аномалией (Iyer 1993, 50–51).

В данной статье речь пойдет об *инокультурной литературе*, под которой будем понимать оригинальные (непереводные) художественные произведения, в которых язык ориентирован на иноязычную культуру (Кабакчи 2011а, 84). З. Г. Прошина называет такую литературу *транслингвальной* (Прошина 2017, 161).

Причем эта литература создается как носителями родного английского языка, так и второго. Такие тексты являются примером вторичной культурной ориентации языка. *Английский язык межкультурного общения* (АЯМО) — это своеобразная разновидность английского языка, характеризующаяся своей лексикой и некоторыми специфическими особенностями организации текста (Кабакчи 1998, 70). И здесь интерлингвокультурология тесно сопрягается с теорией World Englishes, берущей свое начало с теории трех концентрических кругов Б. Качру (Kachru 1985).

Произведения инокультурной литературы имеют своеобразное построение. Язык написания Standard English, но поскольку иноязычная культура составляет основу повествования, лексическое наполнение смешанное: «This was the community: the *rod* as the folk in the south called it, or the *mir* further north» (Rutherford 1992, 15).

Иноязычным описанием культуры (ИОК) занимается *интерлингвокультурология* (термин В. В. Кабакчи) (Кабакчи 2011б, 19). В текстах ИОК наряду с культурными универсалиями, которые В. В. Кабакчи называет *полионимами*, существуют *идиокультуронимы* (специальная культурная лексика), в данном случае ориентированные в область русской культуры. Идиокультуронимы внутренней культуры называются *идионимами*, а идиокультуронимы внешних культур — *ксенонимами* (Кабакчи, Белоглазова 2012). При этом между ксенонимом и его идионимом устанавливается корреляция, прочная связь, которая позволяет осуществить переход от ксенонима к его идиониму. В. В. Кабакчи называет это *принципом ксенонимической обратимости* (Кабакчи, Белоглазова 2012).

Таким образом, речь идет о прямом межкультурном диалоге.

Особенностью подобной литературы является то, что она описывает не внутреннюю культуру английского языка, а внешнюю. Сегодня мы поговорим о книге Э. Резерфорда *Russka* (Rutherford 1992), а точнее об англоязычном описании русской культуры на основе этой

книги или английском языке межкультурного общения, обращенном в область русской культуры — АЯМО (РК).

Роман Э. Резерфорда *Russka*, как пример текста англоязычного описания русской культуры

Роман Э. Резерфорда *Russka* повествует через истории трех семей из трех сословий (боярского рода, священника и крестьянина), объединенных одним местом, где они все живут, под названием Русска, захватывающую и драматическую историю России — «*terra incognita — an unknown land of barbarous tribes, dangerous steppe and impassable rivers*» (Rutherford 1992, 9), «*endless landscape, where horizon succeeds horizon, always the same*» (Rutherford 1992, 10). В повествовании в занимательной форме исторического романа с элементами фэнтези автор делает попытку раскрыть русский характер, ответить на вопрос, кто они, русские, описать исторический путь России и понять отношение России к остальному миру сегодня.

Действие романа начинается в доисторические времена, около 180 н. э., когда не было еще на этой земле никакого государства, когда свободные племена жили и вели свой нехитрый быт, но было уже противостояние между лесом и степью. Автор использует это художественное пространство и время романа, чтобы рассказать о фольклоре местных племен, который потом найдет свое отражение в быту и в русских народных сказках.

Тексты иноязычного описания культуры имеют особую организацию: каждый раз, когда автор вводит ксеноним в текст, он поясняет его в «параллельном подключении» (Кабакчи 1998, 52), что позволяет сохранить точность и доступность текста:

There were sure to be water maidens — *rusalki* — in there, and if you were not careful they would come out and tickle you to death (Rutherford 1992, 22).
Every child feared Baba Yaga the witch. You never knew when she might find you as she flew through the air in her mortar, her long feet and claw-like hands outstretched, ready to seize little boys and girls, carry them off and cook them. (Rutherford 1992, 23).

В этом же первом разделе своей книги автор приводит русские народные песни, пословицы и поговорки, отражающие мудрость народа: «In the still pool, the devils dwell» (Rutherford 1992, 22).

Не удивительно при этом, что дается не англоязычный аналог, а калькируется структура

поговорок из русского языка. Это точнее позволяет передать читателю культурное содержание русского народного словотворчества.

Русские народные сказки часто начинаются фразой «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве.» Здесь же эта фраза вплетается в диалог персонажей и тоже передается калькой: «in the land of Three-time-Nine» (Rutherford 1992, 14).

Таким образом, автор дает своему читателю, пусть в схематичной и сильно упрощенной форме, пережить культурный опыт любого русского ребенка, который позволит ему потом понять другие, более сложные процессы.

Усвоению культурного содержания способствуют и стереотипы о русской культуре, в изобилии рассыпанные по тексту:

What did it mean to be a Slav? <...> Was it that she was musical? That she could be suddenly sad, then suddenly gay? <...> For even if they get angry and violent, they change back again in a moment. It was that they were gentle (Rutherford 1992, 51).

Таких стереотипов в тексте будет много. Их прочтение зависит, в т. ч. и от осведомленности читателя. Известно, что глубина восприятия произведения «предопределяется всей совокупностью предшествующего чтения и уже созданными навыками проникновения в текст» (Арнольд 1973, 25). В книге Резерфорда, например, если муж Игорь, то жена обязательно Ольга, если сестры — то Татьяна и Ольга, если няня, то Арина и она рассказывает сказки. Если младший сын — обязательно Иванушка (Ivanushka), который в начале, вроде, выглядит таким бесхитростным дурачком, Ivan the Fool (Rutherford 1992, 55), мечтающим стать богатырем (*bogatyр*), а в конце-таки предстает перед нами и богатырем, и государственным мужем, боярином Бобровым (*boyar*):

And today, he was sure, he would begin his career, following his elder brothers and his father, as a warrior, a *bogatyр* (Rutherford 1992, 50).

He was going to be a hero, a *boyar* (Rutherford 1992, 69).

Значимые понятия русской культуры автор вводит заимствованиями, например, *bogatyр*, *boyar*, при этом курсивом выделяются еще не освоенные английским языком ксенонимы. В параллельном подключении дается пояснение для обеспечения доступности текста.

Сквозь призму личных историй, которые так напоминают притчу, например, о возвращении Блудного сына, автор показывает восприятие

православия русским человеком, в центре которого молитвенность, смирение и кротость, и подкрепляет все известным стереотипом всепрощающей русской души.

Подобные знакомые большей части читателей стереотипы, упрощая многослойный пирог культурного содержания, готовят читателя к восприятию важных, новых для него идей, например, что русские князья не стремились в западноевропейскую семью правителей:

The courts in the land of Rus were not like those of Western Europe. The Russian princes did not seek, like the rulers of Bohemia and Poland, to join the elaborate feudal network of Europe; nor were they interested in its manners or the new ideas of the knightly chivalry. Their models, rather, came from the orient. For had not all the rulers of these vast lands come from the east? (Rutherford 1992, 111).

Эта же мысль еще не раз будет повторяться в разных изводах. Например, один из отпрысков старинного боярского рода Бобровых рассуждает, иллюстрируя извечный спор славянофилов и западников:

'I have no need to travel abroad now. The answer to Russia's problems lies here, in Russia' And in a few brief words he sketched out his new vision. 'The Church is the key,' he explained. 'If Russia's guiding force is not religion, then her people will be listless. We can have western laws, independent judges, perhaps even parliaments. But only if they grow gradually out of a spiritual renewal. That has to come first.' 'And Adam Smith?' 'The laws of economics still operate, but we must organize our farms and our workshops on a communal basis — for the good of the community, not the individual.' 'It won't be like the West then, after all.' 'No. Russia will never be like the west.' (Rutherford 1992, 725).

Подобные рассуждения особенно сложны для восприятия западного читателя, поскольку разбивают стереотип о стремлении русских слиться в едином цивилизационном порыве с западным миром.

Вместе с тем отдельно следует отметить глубокое проникновение автора в материал. Он не рисует многообразное русское общество монохромной краской, отмечая и раскол элит, и разные чаяния низших и высших слоев общества.

Так, когда крестьянская дочь Янка и отпрыск благородного боярского рода Бобровых из Руси оказываются по делам в Новгороде во время правления там Александра Невского, уже после битвы на Чудском озере, т. е. после 1242 г., и Янка, прислуживая, слышит разговоры купцов

и дворян об их политических предпочтениях, она не может сдержать удивления:

'<...> there are those in this city, and still more in our neighboring Pskov, who still would be happy to see the Germans ruling here.' Since being in Novgorod, Yanka had heard that, at the very time when Prince Alexander had been defeating the Swedes and Germans, the leaders of the city of Pskov had actually taken the German side. 'When Alexander came back to Novgorod, he hung the German sympathizers here, you know' <...> 'The rumour is that Prince Andrei [Alexander's brother] secretly prefers the Catholic Germans and Swedes <...> Could this really be? Though Yanka, in her simplicity, understood that some princes might be stronger and braver than others, it had never occurred to her that they might be playing cynical games with the lands of Rus' (Rutherford 1992, 205).

Эти же настроения будут повторяться и описываться автором на разных витках Российской истории — и в правление Петра I, и в непростой XIX в. Причем этот мировоззренческий раскол в русском/российском обществе существовал не между социальными слоями, среди всех слоев были консерваторы и либералы. Автор тонко иллюстрирует это на примере членов одной и той же семьи Бобровых: «If my son's a born conservative, I suppose I am a born radical, he thought with a smile» (Rutherford 1992, 864).

Показательно название одной из глав книги «Fathers and Sons», где есть и нигилисты, и хождение в народ, и появление первых революционеров:

'You are what they call a Nihilist,' he said. Every educated Russian knew something of these radical fellows after they had been described in Turgenev's famous novel *Fathers and Sons* a few years before (Rutherford 1992, 759).

Nicolai and his friend were not alone: their strange mission amongst the peasants was being repeated in other villages all over Russia, in the movement known to Russian history as the Going to the People (Rutherford 1992, 774).

Так, Резерфорд старается вплетать культурную информацию в ткань повествования. Где-то упрощая восприятие, например, при помощи аналогов Prince Alexander, Russian princes. Но в большинстве случаев старается следовать принципу точности подачи информации в тексте, используя заимствования *rusalki*, *bogatyr*, *Nihilist*, *boyar*, *Baba Yaga*, имена, которые несут в себе русский культурный код — *Ivanushka*, *Sviatopolk*, *Misha*, *Nicolai*, *Ilya*, *Tatiana*, *Olga* и др. Неосвоенные заимствования выделяются

курсивом, а освоенные словарные ксенонимы — *boyar* — не выделяются.

Резерфорд часто использует кальки из русского языка, которые тоже обладают высокой степенью точности и при этом мотивированным значением, поэтому удобны для восприятия читателем: *the Going to the People*, *Fathers and Sons*, поговорки и формулы сказочного повествования: *in the still pool, the devils dwell; in the land of Three-time-Nine*.

Вместе с тем, как ни старается автор проникнуть в русский характер, не все у него получается. Но следует отдать ему должное, он честно фиксирует даже то, что не принимает. Концепция «сильного лидера с властью от Бога и с Богом в душе» всегда была чужда западному читателю. Автор рассуждает об этом в разделе о Владимире Мономахе, 1113 г., выдающемся лидере русского средневековья и показывает свое отношение через диалог хазарского купца и боярина Боброва:

'Your princes of Rus <...> None of them knows how to organize an empire. They have no proper laws, no system.' 'We have laws' <...> 'Rudimentary laws of the Slavs and norsemen. Your church laws are better, I admit, but they are Greek and Roman, from Constantinople <...> Your princes either break the law or do not enforce it — or just have no laws to prevent them oppressing the people.' 'The law is not everything <...>' There was a better way. A Christian way <...> The Jews had given mankind God's law. But then had come the Son of God, with a greater truth — the rule of grace, of God's direct love, which is greater than earthly rules and regulations. This was the wonderful message which the new Church of the Slavs would demonstrate to the vast world of forest and steppe (Rutherford 1992, 144-145).

Вот он секрет русской души — жажда справедливости и желание все делать по любви, по сердцу. И признание автора о невозможности принять такую концепцию западным миром:

How could he tell old Zhydovin this? The Jews would never accept it... 'All we need,' he told the Khazar, 'is a wise and godly man, a true prince, a strong ruler' (Rutherford 1992, 146).

И здесь автор дает свою оценку прямым авторским комментарием: «It was a medieval phantom that was to be the curse of most of Russian history» (Rutherford 1992, 146).

Резерфорд еще не раз будет возвращаться к этому вопросу в своем повествовании, рассматривать с разных сторон на разных витках развития русской истории. Это станет одним из лейтмотивов книги. Например, мысли

боярина Прокопия Боброва, жившего в эпоху Петра I, и здесь же отношение автора:

Procopy had assumed that, just as the villagers in Russia can build a house in a day, so with a strong leader and a titanic effort, a new order can be imposed from above. This belief is the perennial tragedy of Russia (Rutherford 1992, 482).

К концепции сильного лидера автор возвращается и в главах об Иване Грозном, и Петре I, и Александре III, показывая, как они воспринимались в российском обществе:

The mighty autocrat was like a personal father to his people (Rutherford 1992, 408).
‘The Tsar is like a sparkling sun’ the Russians liked to say (Rutherford 1992, 409).

Необычные образы для западного читателя намеренно передаются кальками из русского языка. Так, автор подчеркивает их чужеродность и призывает читателя глубже проникнуть в незнакомое содержание русской культуры. Метко подмечая детали, он постепенно вырисовывает восприятие русским человеком образа правителя. Например, помещик Николай Бобров, в студенческие годы переболевший нигилизмом и хождением в народ:

Immediately after the assassination of his reforming father, the new Tsar Alexander III had moved decisively <...> It was a police state. And yet, Nicolai thought, perhaps it was for the best. At least it was order. True, there had been a few strikes <...> But there had been no more bombs. And as he looked out at the winter city a thought suddenly occurred to him <...> it’s as if the Russian empire has been under snow for the last ten years <...> but the snow also protected the land; under it, delicate seeds could survive the howling winds above. Under the great snow-covering of tsarist rule, perhaps Russia could slowly prepare herself for her new and different future in the modern world. And when the time is right, he thought, our Russian spring will be beautiful (Rutherford 1992, 828).

Такое понимание русской культуры не часто встретишь у иностранного писателя. Здесь же вместе с отсталостью патриархальной России говорится о начале ее индустриального развития: «The Trans-Siberian Railway. There would be nothing quite like in the world» (Rutherford 1992, 830).

При этом автор отмечает и свободу вероисповедания в царской России этого «снежного» времени:

‘The Street of Toleration’ they affectionately called the Nevsky, these days. On it, almost side by side, could be found the churches of Dutch Calvinists,

German Lutherans, Roman Catholics, and Armenians, as well of course as the many Orthodox ones (Rutherford 1992, 829).

Говорится о насыщенной интеллектуальной и художественной жизни русского высшего общества и интеллигенции. Расцвет музыкального искусства:

Russian geniuses who had suddenly burst into the world in the last few decades: Tchaikovsky, Moussorgsky, Borodin, Rimsky-Korsakov (Rutherford 1992, 829).

Постоянно идут отсылки к произведениям и мыслям гениев русской литературы:

<...> the so-called ‘fat journals’ which had become such a feature of Russian intellectual life at that period. In these might be found in serial form, the latest works of great novelists of the day: Tolstoy, Dostoyevsky and Turgenev (Rutherford 1992, 756).

Известное стихотворение А. С. Пушкина «К сестре», которое он написал в 14 лет, легло в основу сюжета целой главы ‘1817’, где юный Seriozha (Rutherford 1992, 635–642) сбегает из лицея в Царском Селе — The school of Tsar’s summer residence in Tsarskoe Selo (Rutherford 1992, 635) — чтобы увидеться со своей сестрой Ольгой, воспитанницей Смольного института благородных девиц — Smolny School (Rutherford 1992, 636). Довольно оправдано в данном случае упрощение культурного содержания и использование аналога school в названиях обоих учебных заведений. Оно не ведет к искажению смысла и способствует усвоению важной культурной информации, выраженной в первую очередь топонимами Tsarskoe Selo и Smolny.

Так, автор старается показать свойственные русскому характеру черты, которые переключаются с известными произведениями для «посвященного читателя», а для новичков такое упрощение позволяет с надежной степенью точности обозначить и не перевернуть движения души русского человека, чуть лучше понять, что определяет его поступки и помыслы.

Не забывается и изобразительное искусство. Объединения художников предсказуемо вводятся в текст при помощи калек the Wanderers (Rutherford 1992, 756), The Blue Rose, The Golden Fleece (Rutherford 1992, 914). Отец знаменитого ювелира Двора Его Императорского Величества прибыл из Франции, поэтому его фамилия закономерно транслитерируется на французский манер Fabergé the jeweler (Rutherford 1992, 829). Упоминаются ведущие художники второй

половины XIX в. — начала XX в.: Repin, Surikov, Serov, Levitan, Vrubel (Rutherford 1992, 871). Много места уделяется театру: the great Pavlova dance, the Moscow Arts Theatre, the playwright Chekhov (Rutherford 1992, 872), the bass voice of the legendary Chaliapin (Rutherford 1992, 934).

Вообще французская транслитерация неувидительна для исторических ксенонимов того периода, особенно имен собственных тех деятелей культуры, которые получили мировое признание в тот период — Fabergé, Chaliapin, Tchaikovsky, Rachmaninoff, Benois или музыкальных произведений, названий компаний — Diaghilev' Ballet Russe, Stravinsky's *Petrouchka* (Rutherford 1992, 934). Французский был языком межкультурного общения (ЯМО) того времени и именно через французский язык русская культура находила свою мировую аудиторию.

Совсем уж неожиданным и удивительным в устах англоязычного писателя является его рассуждение и признание развития демократических процессов в России. Начинается все, конечно, со средневекового вече. Поскольку это скорее художественный текст, в нем не дается чистое определение, что это такое, но очерчивается контекст:

<...> outside the citadel, the city assembly — the famous *veche* — was meeting. All the people had gone there. The new citadel was eerily quiet <...> There were a few women and children, and the occasional priest in the street, but it seems that the whole male population had gone down to the *veche* in the suburb. <...> Even the Prince of Kiev himself was afraid of it. Usually, of course, it was tame enough and run by the leading merchants. But in time of crisis, every free man of the city had the right to attend and vote. 'And when the *veche* revolts it is terrible <...> Even the prince and the *druzhina* can't control them' (Rutherford 1992, 78).

Сам ксеноним *veche* вводится заимствованием, подчеркивая уникальность этого явления для русской культуры. Причем не случайно автор дополнительно вводит прилагательное *famous*. Мало где в XII в. в Европе существовало такое народное управление. Пожалуй, только в Исландии знаменитый Альтинг. Доступность обеспечивается описательным оборотом *the city assembly* и дальнейшей экспликацией, которая определяется коммуникативным заданием художественного текста произведения. Из пояснения очевидно, что голосовало все свободное мужское население города вне зависимости от сословий, и что решение всенародного вече было законом для великого князя, который в обычные дни руководил городом.

Сравним, как ксеноним *veche* употребляется в фундаментальной книге по истории России «Russia and the Russians» Джеффри Хоскинга (Hosking 2002), британского историка, советолога и специалиста по русской истории, профессора Лондонского университета, члена Британской академии и Королевского исторического общества, почетного доктора Института Российской истории:

In towns, which began as military, administrative, and religious centres for tribes and gradually attracted commerce and manufacture, the term *veche* came into use (connected with the word meaning to "know"). All these assemblies grew out of tribal gatherings and had nothing in common with parliaments. They were not representative assemblies: they offered a place to all free adult male members of the community, usually those who owned land or ran a business, however small. Slaves and women were not represented, and probably not immigrants either (Hosking 2002, 35).

Читая такое описание, невольно задаешься вопросом, причем здесь представительства в парламентах, которые в Европе стали появляться только в XVII в.? Вече русских городов — Киева, Великого Новгорода, Ростова Великого и т. д. — имеет смысл сравнивать с Альтингом Исландии, появившимся примерно в то же время. Но почему-то автор предпочитает переместиться чуть ли не на тысячелетие вперед, чтобы пояснить читателю, что это такое. Оговорка про мигрантов здесь особенно красноречива — невольно вспоминаешь, что книга вышла в печать в XXI в.

Однако это не удивительно. Несмотря на глубокие выводы, иногда очень тонкие наблюдения о России, сформировавшийся как ученый в годы противостояния в Холодной войне и расцвета советологической науки на западе, Д. Хоскинг, рожденный в 1942 г., тоже не смог полностью преодолеть установленные для освещения русской культуры и ее истории рамки, и стереотипы.

Подавать информацию о демократических ростках в российском обществе в положительном ключе вообще не принято, этого просто не поймут, не примут или не пропустит редактор:

Demokratizatsiya — another troublesome word because it does not mean the same thing as its English equivalent — democratization (Canadian Tribune 29.02.1988; цит. по Кабакчи, Белоглазова 2012).

Автор статьи намеренно использует *локалоид* русской культуры *demokratizatsiya* (заимствованный локальный вариант интеронима,

вводимый в текст либо во избежание ложных друзей переводчика, либо из стилистических соображений (Кабачки 1998, 63)), чтобы показать разницу восприятия данного слова в разных культурах.

К сожалению, подобная подача информация является преобладающей в англоязычной литературе. Советологи или кремниологи — с одной стороны, профессиональные знатоки русской и советской культуры, а, с другой — выполняющие государственный заказ и соответственно представляющие генеральную, в лучшем случае настороженную, линию своего государства (подробнее см. Кабачки 2021).

Тем удивительнее и значительнее являются противоположные примеры. Возможно, формат художественного текста дает Резерфорду необходимую свободу повествования. Во всяком случае, он явно с удовольствием рассказывает о зарождении демократических процессов в российском обществе:

The reforms which pleased Misha Bobrov the most were the new local assemblies. For these were the bodies known to history as the *zemstvos* — *zemstvo* meaning: ‘of the land, the community’ — in the country; and the *dumas* — the *duma* being the ancient Tsar’s council — in the towns. And Russia had seen nothing like them before. In every district, town and province, these assemblies for local government were elected by all taxpayers, whether gentry merchant or peasant. ‘So now,’ Misha cheerfully claimed, ‘Russia has entered the modern world of democracy too.’ (Rutherford 1992, 751).

Конечно, автор описывает и ограничения:

True, the *zemstvos* and *dumas* had only modest powers; and key posts like that of governor and the police chiefs were all appointed by the Tsar’s government. True, there were some special features in the election. In the towns, for instance, the votes were weighted by how much in taxes were paid... But all the classes have a say. Besides — and this was, perhaps, the thing Bobrov liked best of all — these *zemstvos* gave men like him a role in society. <...> ‘We have always served Russia,’ he could still say, with a trace of satisfaction (Rutherford 1992, 751-752).

В последнем предложении звучит еще один лейтмотив книги. Русское дворянство всегда служило царю и Отечеству, и разница в понимании этого служения в западном мире и на Руси наглядно передается через взгляд запорожского казака Андрея, который приезжает в составе делегации от Запорожского гетмана Богдана Хмельницкого просить русского царя Алексея Михайловича взять запорожских казаков под свою руку и защиту:

Nikita involuntarily lowered his voice even to speak of the horror. ‘They cut of the head of their own King, Charles I, not four years ago.’ <...> His face puckered up into an expression of utter contempt and loathing. <...> ‘They are worse than the Poles. Thank God we know that we are the Tsar’s slaves.’ Several times before Andrei had noticed this manner of speaking. The common people would call themselves the Tsar’s orphans, and the official service classes seemed positively proud to call themselves his slaves. So far he had assumed it was a figure of speech; but watching his new friend Nikita now, he was not sure. It was strange (Rutherford 1992, 416).

Для Андрея, выросшего в вольных казачьих степях, не понятны такие настроения, да еще и в устах русского боярина. Он, пожалуй, больше жизни дорожит своей свободой и верой.

Присоединение земель современной Украины к Московскому государству занимает значительное место в книге. Начинает автор с восстания Запорожских казаков, тонко подмечая настроения казачества середины XVII в.:

The rich Ukraine: the golden land. Why then should old Ostap, as he surveyed his swaying wheat, complain? ‘God gave us the best fields and then sent a plague of locusts to devour them.’ It was because the Ukraine was ruled by the Catholic King of Poland (Rutherford 1992, 363).

Совсем уж удивительно верное понимание и отражение автором раскола православного казачества Гетманщины и католического правящего сословия Речи Посполитой, куда на тот исторический момент эти земли входили:

<...> the Ukraine discovered what it meant to live under contemptuous Polish lords. How dare a Polish noble despise a Cossack! Were not the Cossacks free? (Rutherford 1992, 364).

Above all, he (a Pole — комментарий А. А.) despised their Orthodox religion, and their illiterate mumbling to their icons. ‘It is,’ he would say definitively, ‘a religion fit only for serfs.’ (Rutherford 1992, 371).

This religious split between lord and peasant in the Ukraine (Rutherford 1992, 371).

И дальше продолжает развивать эту мысль, подводя читателя к неизбежности обращения казаков к русскому государю за покровительством:

<...> it was clearer each year that the only hope for the Cossacks lay to the north and east, with Russia. Only the Tsar would respect the Orthodox religion; only he could protect the Ukraine from mighty Poland. The problem was that Russia was unwilling. The great empire of the north had troubles of her own; she had no wish to risk a costly war with a furious Poland

if she accepted the Ukraine. Bogdan (Khmelnitsky — комментарий А. А.) sent messengers <...> (Rutherford 1992, 401).

Крупными мазками, но довольно верно автор говорит о том, что семь лет Богдан Хмельницкий посылал посольства в Москву, пока Царь Всея Руси Алексей Михайлович не согласился взять казаков и земли Гетманщины под свою защиту. А затем началась неизбежная война с Польшей, и автор довольно точно подмечает отношения казаков, русских и татар в ходе этой войны.

Единственное возражение в этой части книги вызывает слово *Ukraine*, хотя и используемое с определенным артиклем, что указывает на его территориальную принадлежность, а не название государства:

Some time ago now, this ancient Kievan territory had acquired another name, for this was the Ukraine (Rutherford 1992, 363).

И хотя книга Резерфорда, по сути, повествует об истории одного народа — русского народа — от Киевской Руси до Московского государства и Российской империи, через революционные годы к Советскому Союзу — это утверждение не совсем верно. В географическом смысле название Украина закрепилось и стало широко распространяться только в XVIII в., когда эти земли были в составе Российской империи уже около ста лет.

Возьмем толковый словарь В. Даля, уроженца Малороссии, Екатеринославской губернии, изданный в 1882 г.:

УКРАЙНЫЙ и украинный. крайний, у краю, на краю чего находящийся; дальний, пограничный, порубежный, что на крайних пределах государства, Сибирские города встарь зывались украинными. А город Соловецкой место украинное, Акты. Украй, крайна, область с краю государства или крайная. Латины взяша украины неколико псковских сел, стар. Даже до украины нашей страны молдавской, стар. На украине, на студеном море, стар. Ныне Украиной зовут Малую Русь. Украек м. полоса по краю чего-либо, кромка. Украйтись пск. стать, поселиться с краю; придти к концу, кончить что. Украивать, украить что, урезать, уменьшить, убавить в кройке. Украил ты рукава, обузил. Портной украит, на ножницах унесет, украдет. -ся, страдат. Украиванье, украенье, украй, украйка, действ. по знач. глаг. | Украй м. украина ж. новг. крауха, укрух, корка хлебная: ломоть, ломтище, укроек, ломтик. | Украй, церк. об(по)вязки, пелены. Обязан рукама и ногама укроем, Иоан. (кроить или крыть?) (Даль 1996, 484).

Как видим, «украинный» действительно означало пограничные земли. В XVI–XVIII вв., например, существовали такие условные исторические наименования территорий как Ханская Украина, Слободская Украина и т. п.

Вместе с тем, когда Гетман Богдан Хмельницкий в 1649 г. писал письмо польскому королю Яну II Казимиру, выдвигая условия, которые польская корона должна была соблюсти, чтобы восстание прекратилось, он называл себя русским, а свой народ русским народом:

«Просимо, щоб кийвський воевода був з руського народу і додержувався грецького закону, щоб не переслідував церкви божой, як теперішній, який викидає з замку церкву і не дозволяє будувати. [Йому] м. м. бажаємо вищого воеводства, а до Києва просимо призначити воеводу нашої віри. Також щоб наш кийвський митрополит мав місце в сенаті й. м. короля, щоб ми, Русь, мали щонайменше трьох сенаторів: серед духовенства — митрополита, серед світських — воеводу і кийвського каштеляна, які б у сенаті захищали нашу віру і права руського народу» (Шевченко 1961, 107).

Нет никаких сомнений, что в письме речь идет о национально-освободительном движении русского православного казачества против поляков-католиков и униатов. Изначально письмо было написано на польском языке, поскольку обращались к польскому королю, но в 1961 г. его перевели на украинский язык и издали в УССР. Подписывался Богдан Хмельницкий до 1654 г. как «Богдан Хмельницкий, гетман з Войском его королевской милости Запорожским» (Шевченко 1961, 49). После Переяславской рады 1654 г. и вхождения Гетманщины в состав Русского государства на правах широкой автономии — как «Богдан Хмельницкий, гетман с Войском вашего царского величества Запорожским» (Шевченко 1961, 322).

В оправдание автора можно сказать, что в советских учебниках истории такая искусственная украинизация тоже насаждалась немало. Однако неправомерное использование наименования *Ukraine* в данном историческом контексте неизбежно влечет за собой ложные ассоциации и выводы, рождает ложные мифы, которые всегда вредны в исторической перспективе.

Более чем на тысяче страницах, размышляя об историческом пути русского народа, автор старается ответить на вопрос, чем отличается русский мир от западного, какой он русский характер, и понять пути развития России в сегодняшнем мире «if we want to understand anything of this extraordinary country's present and possible future, it is of great importance to delve,

as far as we may, into her past» (Rutherford 1992, x). Причем старается это делать честно, насколько позволяют ему те источники, которыми он пользуется.

Резерфорд не ретуширует и отношение западных держав к России. В уста английских купцов времени правления Иоанна Грозного он вкладывает такой диалог:

‘<...> these people <...> are backward. They have few industries, no learning at all. They eat and drink, they whore and pray to their icons. And that’s it. Their army is huge, but badly trained. When they try to get to the Baltic ports, the well-trained Swedes and Germans can cut them down in no time. And that’s how we like them. Who needs a civilized Russia?’ (Rutherford 1992, 304).

Все основные стереотипы того времени о Московском государстве, сформированные на Западе под влиянием немногих и не комплементарных произведений о России, намеренно собраны автором в одном месте, в одной реплике. С резюмирующим цинизмом звучит фраза, что именно такая Россия и устраивала западные державы. Читатель поэтому уже не удивляется, почему правители Русского государства хотели изменить такое положение вещей. Эпоха Петровских завоеваний выглядит логично и снова автор не скрывает отношения западных держав к молодому царю:

<...> the powers of Europe, while they laughed at his new capital in the icy marshes of the north, were looking forward to seeing his empire broken and then dismembered (Rutherford 1992, 529).

И после Полтавской битвы 1709 г.:

Europe was astounded. The eccentric young Tsar won after all; defeated mighty Sweden. The map of Europe was changed in a day: a new and tremendous Russia was arising. And Europe, having laughed, was now afraid (Rutherford 1992, 530).

Не часто в англосаксонской литературе встретишь такие признания пусть и очевидных фактов. Еще более удивительными являются исторические параллели, которые проводит автор между предательством Мазепы и последующим отношением Петра I к Гетманщине и ее вольностям, и поведением Кромвеля в отношении Ирландии:

For Peter meant to be firm. As he told his advisers, he intended to model the subjugation of the Ukraine on the patterns set by the Englishman Cromwell, in Ireland (Rutherford 1992, 530).

Конечно, не все автору удалось. Особенно не повезло Екатерине II. Ее любовным привязанностям уделяется несоразмерно большее внимание по сравнению с ее деяниями. Здесь и потемкинские деревни:

He had even erected delightful stage-set hamlets — the famous Potemkin villages — along the way to charm them (Rutherford 1992, 585).

Известный на Западе стереотип, который тянется со времен Екатерининского правления. Многие даже в нашей стране не знают, что он не имеет ничего общего с действительностью. Гибридный ксеноним Potemkin villages объясняется при помощи описательного оборота stage-set hamlets и рисует принятый на западе образ «постановки», «ширмы», чего-то фальшивого.

Вершиной признания роли Российской империи в мировом сообществе, по мнению автора, является Венский конгресс после Наполеоновских войн. На Россию больше не смотрели как на отсталую варварскую страну на краю света (еще один укоренившийся стереотип):

Russia’s new place in the world. No longer the barbarous Asiatic kingdom cut off from the western world. (Rutherford 1992, 637).

На Венском конгрессе, где русский император Александр I играл ключевую роль, были заложены основы международного права. Русский царь предложил невиданную инициативу миру — Священный союз на основе общехристианских ценностей, который просуществовал около 20 лет. Такого не было ни до, ни после.

At the Congress it was the Russian Tsar who took the lead. More even than this, Russia had proclaimed her own, special mission. ‘Let us put a final end to these terrible wars and bloody revolutions,’ the Tsar had proclaimed to the governments of Europe. ‘Let the European powers come together in a new and universal brotherhood, founded solely on Christian charity.’<...> This was the famous Holly Alliance (Rutherford 1992, 637).

Конечно, тысячелетнюю историю России, да еще и в художественном изложении, не уложить в тысячу страниц текста, поэтому упрощения и схематизация неизбежны. Вот и Аракчеев с военными поселениями General Arakcheyev’s Military Colony (Rutherford 1992, 659) и Бенкендорф с Третьим отделением Benckendorff, Third Department (Rutherford 1992, 669) не избежали этой схематизации. Впрочем, и в советских учебниках к ним относились без особой лояльности.

Революционные события в России начала XX в. мы видим глазами героев повествования. Ксенонимы русской культуры — заимствования и кальки — помогают придать достоверность происходящим событиям:

<...> at last the Tsar had given way. He would grant the people a parliament — the Duma (Rutherford 1992, 875).

She knew a little about the Social Democrats. She was aware that they had split, in recent years, into two camps, the smaller of which was the more extreme. 'With typical Russian confusion,' <...> 'the majority call themselves the little party, and the minority call themselves the big party — the Bolsheviks (Rutherford 1992, 878).

Общественные движения закономерно передаются кальками: the People's Will (Rutherford 1992, 815), the Black Hundreds (Rutherford 1992, 892), названия партий заимствованиями — the Bolsheviks (Rutherford 1992, 878), the Mensheviks (Rutherford 1992, 958) — и кальками:

Constitutional Democrats, known as Cadets for short, who were determined to push the Tsar towards a proper democracy <...> the Socialist Revolutionaries, who represented the peasants, but some of whom were unfortunately dedicated to terrorism. And there was the party of the workers, the Social Democrats (Rutherford 1992, 877).

Революционные события в России повлекли за собой возникновение огромного количества аббревиатур, многие из которых прочно вошли в АЯМО (ПК): the KGB (Rutherford 1992, 995) дается без объяснений. Некоторые аббревиатуры вошли и закрепились в АЯМО (ПК) не чисто транслитерацией, а с учетом их произношения, что оправдано, принимая во внимание частотность их употребления и звучания в русскоязычном контексте и желание авторов передать звучание своей аудитории:

<...> the Cheka, the Extraordinary Commission to Combat Counterrevolution, Sabotage and Speculation was a very effective body (Rutherford 1992, 967).

Ксеноним Cheka встречается во многих источниках:

<...> most Chekists — a word derived from the KGB's infamous predecessor, the Cheka, and still used to describe secret intelligence workers (St. Petersburg Times 23.12.1998; цит. по Кабакчи 2002, 56).

Also, on 6 December 1918 the All-Russian Extraordinary Commission of the Council of People's Commissars for Combating Counter-Revolution, Sabotage and Speculation, known as Vecheka (Brown 1982, 110).

If some *chekists* had done it in the Thirties, I would have been terrified (Smith 1976, *the Russians*).

Вместе с тем автор старается не описывать в хронологическом порядке события, которые происходили в революционные годы в России, а показать отношение к ним общества, а точнее разных слоев общества. Светские приемы дают этому хорошую возможность. В частности, приемы мадам Сувориной, купеческого сословия, жены богатого промышленника, прототипами которому могут служить Морозовы, Щукины, Мамонтовы и др., помогают иностранному читателю представить идеи и настроения, которые бродили в светских кругах и среди интеллигенции того времени:

Everyone came to her house. Artists, musicians and writers were especially welcome. But the aristocracy did not disdain the merchant's hospitality and even a proud St. Petersburg sophisticate like Prince Scherbatov was a regular visitor (Rutherford 1992, 875).

Резерфорд показывает, что революция происходила в умах многих думающих русских того времени:

In a later age it would be called radical chic, this fashion amongst some of the privileged classes of inviting revolutionaries to their home, and even making contributions to their cause. A few industrialists, convinced that the Tsar was on the road to catastrophe, may have courted the revolutionaries as a kind of insurance policy against the future. But others of the rich and idle certainly did so because they thought it amusing, or smart, or perhaps to receive a little *frisson* from the knowledge that they were playing with fire. Mrs. Suvorin had always eschewed these activities before, but recently she had feared that, without an occasional revolutionary, her *salons* might begin to look a trifle dowdy. She needed Popov, therefore: he completed her arrangements (Rutherford 1992, 880).

Революционеров принимали в салонах как равных, с ними велись философские и прагматические беседы о дальнейших путях развития России. Более того, автор показывает, что с членами семьи Сувориных и их друзьями большевик Попов был давно знаком и даже дружен.

Женские имена собственные часто передаются без окончания -а, здесь Mrs. Suvorin. В английском языке окончаний нет, и англоязычная аудитория иначе воспринимала бы Suvorin и Suvorina как две разные фамилии.

Вместе с тем совершенно очевидно, что сам Резерфорд не питает уважения к профессиональным революционерам. Их в книге вопло-

щает Yevgeny Popov (Rutherford 1992, 749). Попов представлен неприглядно, начиная с внешности: с копной рыжих волос и зелеными, как у змеи, глазами (Rutherford 1992, 883). Поступки Попова лишены малейшего сочувствия к материалу, с которым он имеет дело:

‘Some of us think,’ Peter Suvorin observed, ‘that Lenin regards the workers as nothing more than cannon fodder.’ <...> Popov nodded. ‘It’s probably true,’ he replied. Then, smiling again: ‘That’s part of his greatness.’ (Rutherford 1992, 881)

И, наконец, через оценки тех, с которыми он имел дело.

Николай Бобров:

How strange. Though they had not met for seventeen years, Nicolai expected his former friend to look awkward. After all, Popov had used him cynically and then extorted money from his father. But Popov looked neither guilty nor defiant: he just gazed at Nicolai calmly, taking him in, asked him where he was going <...> (Rutherford 1992, 831)

Мадам Суворина:

This is a very different sort of man. He recognizes no barriers (Rutherford 1992, 880). She felt he would kill without caring. And, perhaps, worse, he would lie without hesitation (Rutherford 1992, 964).

Но в России все непросто и очень тесно переплетено. Мадам Суворина в итоге становится любовницей Попова, а потом бросает его, посчитав, что тот обманул ее, когда сказал, что Ленин не распустит Учредительное собрание в январе 1918 г. и не станет диктатором. А Попов напоследок спасает дочь мадам Сувориной и дает ей и ее отцу беспрепятственно покинуть Россию.

Книга заканчивается эпилогом, действие которого происходит в 1990 г., в возрождающемся монастыре рядом с именем Бобровых, прототипом которому послужила Оптиная Пустынь. И для России это символично. Потомки дворянской семьи Бобровых, основателей этого монастыря в далеком XIII в. и крестьянской, затем ставшей купеческой семьи Сувориных, давно уже живущие в США, и крестьянской семьи Романовых из деревни Русска, оставшихся в России, присутствуют на церемонии обретения мощей наиболее почитаемого старца этого монастыря — Св. Василия, жившего здесь в предыдущем столетии. После этой простой и трогательной церемонии между ними возникает простой и ясный диалог:

‘We shall do it. We shall rebuild Russia, you know’ ‘Yes’ ‘I do not think we want pure capitalism, though. A sort of mixed economy.’ ‘I dare say it could be done.’ (Rutherford 1992, 1005)

В самом конце автор признается, что так до конца и не понимает, что это такое Россия, но, как ему кажется, он уловил что-то очень важное там, на службе в монастыре. И здесь вспоминается посвящение этой книги:

This book is respectfully dedicated to those now rebuilding the monastic community of Optina Pustyn. (Rutherford 1992, v)

Таким образом, автор закольцевал свою мысль: возрождение России невозможно без ее духовного возрождения.

Заключение

Э. Резерфорд на более чем тысяче страницах постарался представить объемный взгляд на русское общество, показать, как формировался русский характер, вбирая в себя фольклор и легенды многих народов, восприняв смирение и кротость православной веры, извечное стремление к истине и духовные поиски, оправдывающие существование человека. Отсюда, жажда правды и справедливости, которые для русского человека выше законов человеческих. Широта русской души, которая рождается из необъятности земли нашей, общинность русского народа, которая формировалась всей историей нашей и укрепилась через соборность православной веры.

Некоторая схематизация и упрощение неизбежны в таком художественно-публицистическом повествовании об историческом пути России. Они помогают усвоить новое и важное в описываемой иноязычной культуре. Исторических ошибок автор совершает мало, многие из них делают, к слову, и наши соотечественники, настолько они въелись в наше сознание из советских материалов. Приятно, что автор подходит к русской культуре с уважением и пытается понять и объяснить для себя даже то, что не принимает, о чем совершенно честно и говорит своему читателю.

При этом Резерфорд использует весь спектр лингвистических средств — заимствования, кальки, гибридные ксенонимы, чтобы как можно полнее представить русскую культуру читателю, при этом не перегрузив текст, учитывая его художественно-публицистический характер, соблюдая баланс точности и доступности, здесь важную роль играет операция параллельного

подключения. Некоторая схематизация культурного содержания неизбежна, автор аккуратно использует стереотипы для упрощения восприятия чужого культурного содержания. Исторических и культурных ошибок немного, и они, скорее всего, объясняются выбором исторических источников, которыми пользовался автор.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential

Финансирование

Исследование не имело финансовой поддержки.

Funding

The study did not receive any external funding.

Список сокращений

АЯМО — английский язык межкультурного общения
АЯМО (РК) — английский язык межкультурного общения, ориентированный в область русской культуры
ИОК — иноязычное описание культуры
ЯМО — язык межкультурного общения
CamEnc — The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union

List of Abbreviations

FCO Language — Foreign Culture-Oriented language
FCO Literature — Foreign Culture-Oriented literature
CamEnc — The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union

Источники

Шевченко, Ф. П. (ред.). (1961) *Документи Богдана Хмельницького. 1648–1657*. Киев: Изд-во АН УССР, 740 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/dokumenty-bohdana-xmelnyckoho-1961> (дата обращения 12.02.2024).
Brown, A. (ed.). (1982) *The Cambridge encyclopedia of Russia and the former Soviet Union*. Cambridge: Cambridge University Press, 492 p.
Hosking, G. A. (2002) *Russia and the Russians. From earliest times to 2001*. London: Penguin Books Publ., 718 p.
Rutherford, E. (1992) *Ruska*. London: Arrow Books Publ., 1007 p.
Smith, H. (1976) *The Russians*. London: Sphere Books Publ., 639 p.

Словари

Даль, В. И. (1996) *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4*. СПб.: Диамант, 688 с.
Кабакчи, В. В. (2002) *The dictionary of Russia: 2500 cultural terms. Англо-английский словарь русской культурной терминологии*. СПб.: Союз, 573 с.

Литература

Арнольд, И. В. (1973) *Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования*. Ленинград: Просвещение, 303 с.
Кабакчи, В. В. (1998) *Основы англоязычной межкультурной коммуникации*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 232 с.
Кабакчи, В. В. (2011a) «Инокультурная литература» и «внутренний перевод». В кн.: И. В. Недялков (ред.). *Проблемы современного переводоведения: сборник статей в честь шестидесятилетия профессора В. И. Шадрина*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 78–91.
Кабакчи, В. В. (2011b) Русские пословицы в англоязычном межкультурном общении. *Иностранные языки в школе*, № 3, с. 19–24.
Кабакчи, В. В. (2021) Лингвистика и политика: русизмы в англоязычной полемике Запада с Россией. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 3, № 2, с. 138–152. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152>

- Кабакчи, В. В., Белоглазова, Е. В. (2012) *Введение в интерлингвокультурологию*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 252 с.
- Прошина, З. Г. (2017) Транслингвизм и его прикладное значение. *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, т. 14, № 2, с. 155–170. <https://www.doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170>
- Iyer, P. (1993) The Empire writes back. *Time*, 8 February, pp. 50–55.
- Kachru, B. B. (1985) Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. In: R. Quirk, H. G. Widdowson (eds.). *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11–30.

Sources

- Brown, A. (ed.). (1982) *The Cambridge encyclopedia of Russia and the former Soviet Union*. Cambridge: Cambridge University Press, 492 p. (In English)
- Hosking, G. A. (2002) *Russia and the Russians. From earliest times to 2001*. London: Penguin Books Publ., 718 p. (In English)
- Rutherford, E. (1992) *Russka*. London: Arrow Books Publ., 1007 p. (In English)
- Shevchenko, F. P. (ed.). (1961) *Dokumenti Bogdana Khmel'nitskogo. 1648–1657 [Letters of Bogdan Khmelnytsky. 1648–1657]*. Kyiv: UkSSR Academy of Science Publ., 740 p. [Online]. Available at: <https://archive.org/details/dokumenty-bohdana-xmelnyckoho-1961> (accessed 12.02.2024). (In Ukrainian)
- Smith, H. (1976) *The Russians*. London: Sphere Books Publ., 639 p. (In English)

Dictionaries

- Dal, V. I. (1996) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the living great Russian language: In 4 vols.]. Vol. 4*. Saint Petersburg: Diamant Publ., 688 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2002) *The dictionary of Russia: 2500 cultural terms. Anglo-anglijskij slovar' russkoj kul'turnoj terminologii [Anglo-English dictionary of Russian cultural terminology]*. Saint Petersburg: Soyuz Publ., 573 p. (In Russian)

References

- Arnold, I. V. (1973) *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka. Stilistika dekodirovaniya [Stylistics of modern English. Decoding stylistics]*. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 303 p. (In Russian)
- Iyer, P. (1993) The Empire writes back. *Time*, 8 February, pp. 50–55. (In English)
- Kabakchi, V. V. (1998) *Osnovy angloyazychnoj mezhkul'turnoj kommunikatsii [Basics of English-speaking intercultural communication]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 232 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2011a) “Inokul'turnaya literatura” i “vnutrennij perevod” [“Foreign culture-oriented literature” and “inner translation”]. In: I. V. Nedyalkov (ed.). *Problemy sovremennogo perevodovedeniya: sbornik statej v chest' shestidesyatiletija professora V. I. Shadrina [Problems of modern translation studies: Collection of articles in honor of the sixtieth birthday of professor V. I. Shadrin]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 78–91. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2011b) Russkie poslovitsy v angloyazychnom mezhkul'turnom obshchenii [Russian proverbs in English-speaking intercultural communication]. *Inostrannye yazyki v shkole*, no. 3, pp. 19–24. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2021) Lingvistika i politika: rusizmy v angloyazychnoj polemike Zapada s Rossiej [Linguistics and politics: Russianisms in the western English-language political discourse with Russia]. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie — Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 2, pp. 138–152. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152> (In Russian)
- Kabakchi, V. V., Beloglazova, E. V. (2012) *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction into interlinguoculturology]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Economics Publ., 252 p. (In Russian)
- Kachru, B. B. (1985) Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. In: R. Quirk, H. G. Widdowson (eds.). *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11–30. (In English)
- Proshina, Z. G. (2017) Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translingualism and its application]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' — RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, vol. 14, no. 2, pp. 155–170. <https://www.doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170> (In Russian)